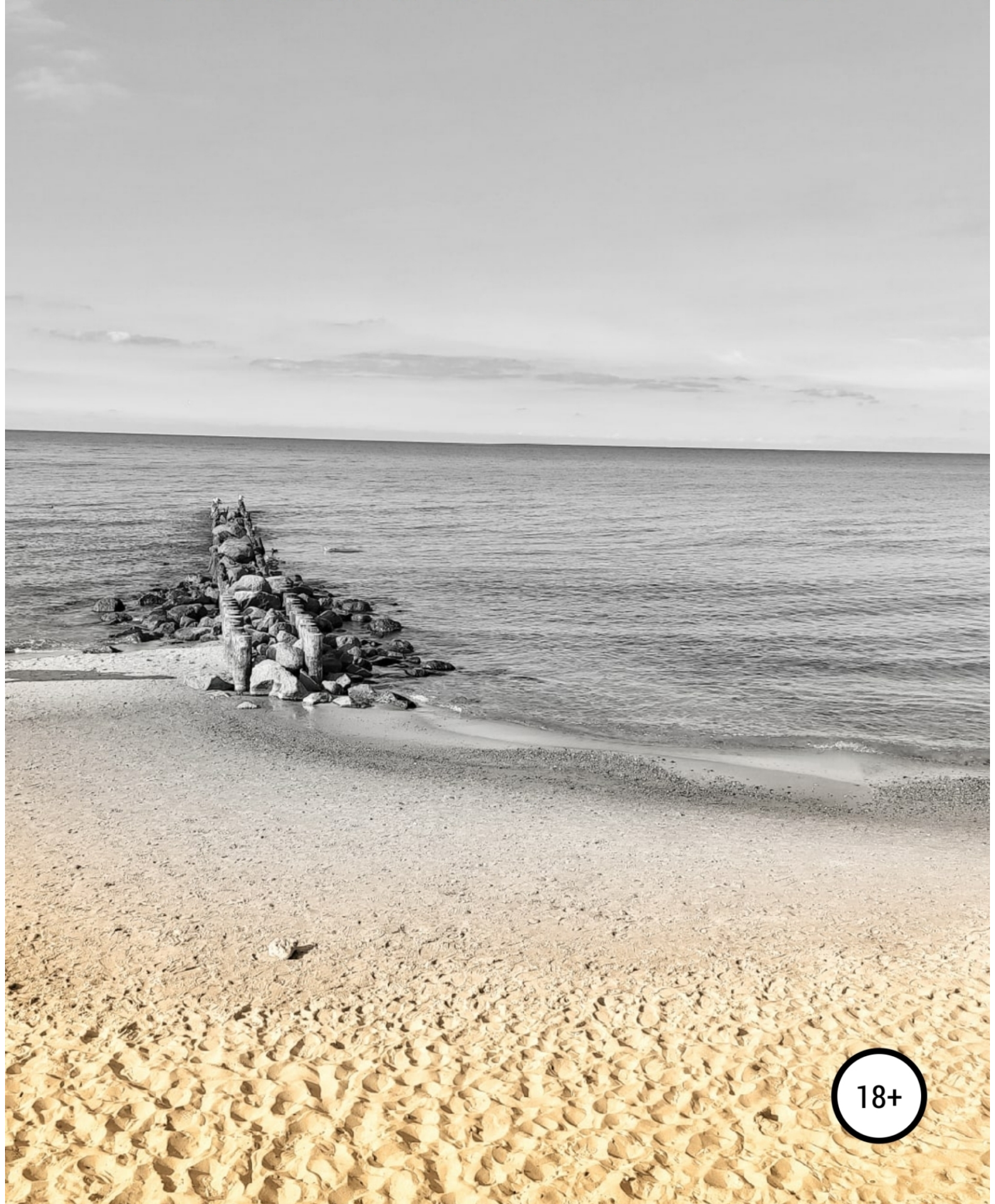

Владимир Псарев

ОКЕАН МЕЧТЫ

18+

Владимир Псарев

Океан мечты

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Псарев В. Е.

Океан мечты / В. Е. Псарев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что сделал ты, чтобы переплыть океан, который простирается между тобой и мечтой?

Владимир Псарев

Океан мечты

Илья сидел на металлических стульях в зоне ожидания аэропорта и переминал руками посадочный талон. Регистрация уже была пройдена – дальше только ожидание. Ожидание другой жизни. Позади он чувствовал такую большую и сложную жизнь, которую хотелось забыть совсем. Никогда не вспоминать. Но существовали тоненькие ниточки, которые его возвращали в прошлое.

Илья вспомнил, как он жил один на хуторе в Тверской области. Десять километров направо – одна деревня. Пятнадцать налево – другая. А он – один. Выходил покурить с утра, трезвился. Что у нас за страна такая, что "заставляет" пить? Заставляет подменять реальность. Этот вопрос Илья задавал всем, но ответа не получал. "Хочу высказаться просто, уж не обидитесь", – твердил он, уже взрослый, двадцатилетним парням. Никто и не обижался, но никто и не слушал.

Легкие перекуры сменялись попойками с соседом. Илья ходил к бывшему офицеру, воевавшему в Чечне. Иногда выпивал с ним, слушал. Однажды Илье довелось зарезать барашка. Безобидного такого барашка, которого и обругать словом стыдно. А тут он взял кривой нож и полоснул по горлу. Страсть да и только, но все-таки такая же реальная жизнь. Но не для него. Вот и отложилось.

– Да ты не переживай, дружище, – твердил вояка, – он жил, чтобы умереть ради нас. Вот знаешь, как у нас было?

– Нет, не знаю.

– Я когда служил, так у нас и живых людей за живых людей никто не считал. Я помню, как громко бьет полковая артиллерия. Огромные калибры. Земля дрожит, кажется, за десяток километров. Мы стояли в Моздоке – это соседняя Ингушетия.

Мужчина пил водку, как воду, не дожидаясь очереди. Даже не спрашивал – сам наливал и сам пил. Прямо скажем – что-то заливал. Правда заливать так долго непростительно, но говорить под руку было нельзя.

– Били и били, били и били. Так отчаянно, словно больше ничего и не нужно. Нам говорили, что готовится что-то большое. Сейчас мы это называем «новогодним штурмом Грозного», а тогда мы ничего не знали.

Илья молчал, грея в руке стопку. Опьянение подходило к той стадии, когда начинаешь «залипать». В голове всплывала морда барашка, и отбросить ее не получалось.

– Сунжа, – продолжал собеседник, – небольшая такая речушка. Ну, по меркам нашей России. С правого берега на левый, то есть в центр города, перебрасывали части. Были у нас те, кто в руках и автомата ни разу до Чечни не держал. Были и более опытные, но они тоже боялись. Сначала бросали тех, кто стрелять умел. И вот понимаешь, дружок, на мосту через эту речушку чеченцы уничтожили всю колонну. Две роты! – хлопнул по столу. – С техникой, понимаешь ли, со всем на свете. Кровавое месиво. Мы ничего не знали, сидели в штабе в Моздоке. Я-то офицер, хоть и милиции, но тем не менее. Все наблюдал. Старшие офицеры отправили в бой необстрелянных юнцов. Они и стреляли-то всего один раз – их не отправляли на стрельбы, им не разрешали практиковаться самим хотя бы в простом владении самим оружием. А тут их отправили следом за бывальыми, которых уже превратили в оливье. И почти никто из них не вернулся. Долго морочились, договаривались, в итоге нам разрешили забрать убитых. По мосту было уже совершенно не проехать из-за тонн обгоревшего металла. Знаешь, Илюха, я помню, как мы стояли на противоположном берегу Сунжи – в створе, как это называли всякие там генералы, моста, а на обратной стороне стояли чеченцы. Стреляли просто в воздух, пока мы собирали тех, кто даже не дошел до другого берега. Сотни тел. Грузили прямо в кузова

КамАЗов. Веришь или нет, но это самый страшный момент в моей жизни. Под страхом казни я бы не решился пережить это еще раз. Люди горели факелами в танках, а в Моздоке офицеры праздновали новый одна тысяча девятьсот девяносто пятый год, – это число он произнес с расстановкой, чуть ли не по слогам, – и вот тут я понял одну вещь в этом мире. Страшно, когда убогий счастливее тебя здорового и красивого. А сколько красивых, молодых и умных легло там? Никто никогда всерьез не считал. Десять тысяч? – он рассмеялся. – Нет! Может быть, столько погибло при штурме Грозного, но не за полтора года!

Красоты в этом бывшем офицере осталось немного – сказались годы курения и обильных возлияний. Но доверие он внушал. Илья слушал заворуженно, а потом, по своему обычаю, благодарил.

– Умерли все, кого я любил.

– Но бог не виновен?

– У него алиби.

– А хорошие люди есть?

– Конечно, есть, но хорошие от плохих отличаются только лишь тем, что делают добро для себя, лицемеря в глаза другим. В общем-то всё. На сотню попадетсся один блаженный, и окажется затоптан. Не согласен?

– Как видите, я с вами даже не спорю.

– Правильно, – усмехнулся офицер, – хо-ро-ши-е. Я бы хотел смерть их опередить хотя бы из чувства эстетики. Плохие честнее.

– Почему?

– Они безнадежны. Хочется стать немым, чтобы тайком кричать от боли.

– Но вас тут и так никто не слышит, – исподлюбья смотрел Илья.

– Со всей этой грязью уже не справляется лимфа.

А вот совсем недавно у Ильи умер другой сосед. Бессмысленно так умер – перепил за свою жизнь. Да и прожил он жизнь совершенно бессмысленно. Так, пару раз куда-то съездил. А в остальном? А в остальном ничего. Сын неизвестно где, про дочь лучше промолчать. Жена спит на плече у другого. И нельзя сказать, что он всегда был таким плохим. Таким он стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.